

ЧЮДО ПРЕСВЯТЫЯ БОГОРОДИЦЫ О ЦАРЕВНѢ ПЕРСИКѢ, ДЩЕРИ ЦАРЯ МИХАИЛА БОЛГАРСКАГО.

(Рукопись Кіевск. Дух. Акад. о. л. 48¹).

Егда болгарская монархія всякими счастливыми случаями изобилуе, тогда во оной монархіи бѣ царь зѣло преславенъ именемъ Михаилъ. Сущу же ему украшену совершеннымъ возрастомъ, начаше ему предлагати ближніи его министры, да по обычаю христіанскому пріобщится законному браку. Онъ же, преславный монархъ и лицомъ зѣло прекрасный, неотречеся совѣта ихъ; но повелѣ имъ, да со всякимъ тщаніемъ обрящутъ ему дѣвицу равну ему, яко въ добродѣтельныхъ обхожденіихъ, тако и въ красотѣ лица. Министры же, сія слышавше отъ царя своего, великія радости исполнишася и начаша сотщаніемъ искати по всему царству дѣвицу, достойну царскому браку. И въ нѣкоемъ градѣ обрѣтоша у князя дщерь его, именемъ Александру, воистинну предивной красоты, юже посланіи видѣвши, зѣло удивилася красотѣ ея и, преписавше персону ея зѣло искусно, послаша къ царю своему. Царь же, егда узрѣ персону, зѣло почудися красотѣ ея, и вскорѣ повелѣ привести ю къ себѣ, со всякою честію царскою. Приведенъи же ей бывши предъ царя съ великою честію, егда же узрѣ ю царь, абіе великія радости исполнися, и вскорѣ сотвори брачное веселіе ве-

¹) Повѣсть издается впервые; раскрыты титла, введена современная пунктуация. Благодаря любезности проф. Н. И. Петрова и Г. В. Александровскаго, списокъ сдѣланъ для насъ въ Кіевѣ, гдѣ находится подлинникъ. Въ С.-Петербур. Публ. Библ. есть только начало этой повѣсти.

ліе, и мнози тогда королѣи и князи въ его протекціи быша тамо. Браку же совершившуся и веселію мимо шедшу, и по брацѣ годищному времени прешедшу, роди царица Александра дщерь, именовъ Персику, о коемъ рожденіи веліе пиршество сотвори царь Михаилъ. Таже, Богу сохраняющу ю, нача въ возрастъ приходити. Егдаже бысть царица Персика шести лѣтъ отъ рожденія своего, нача ю мати ея царица Александра сама поучати книгамъ божественнаго писанія, бѣ бо преисполнена всякія премудрости, и изучена всякаго любомудрія ви́шняго, а наипаче того духовнаго. И бяше ученіе ея поистинѣ въ сердцѣ дщере ея вкоренено. Дѣвица бо сущи остроумна, вся глаголемая ей добрѣ разумѣваше и в скорѣи времени изучися всякаго любомудрія, яко духовнаго, тако и ви́шняго; а наипаче поучаше ю мати ея, да непрестанно во умѣ своемъ имѣть ангельская словеса, еже есть: «радуйся, обрадованная, Господь съ тобою!», еже она, яко остроумна сущи, добрѣ воспріять реченное; и бысть зѣло премудра, въ мѣру пришедши совершенныхъ философовъ. Бывши же ей лѣтомъ тремъ-надесятымъ отъ рожденія ея, мати ея царица Александра паде въ болѣзнь велику зѣло; и бысть болѣзнь ея тяжка вельми, яко уже ей и къ смерти приблизитися, призва къ себѣ единокровную дщерь свою Персику, юже, яко зѣницу ока, храняше. Поистиннѣ бо, яко зѣница красна—ей же подобной ни во всемъ крузѣ земномъ бысть. Пришедши же ей, нача мати ея царица Александра поучати ю со многими слезами: «пресладчайшее мое чадо, возлюбленная дщи Персика, вѣси довольно, яко не дахъ никогда же покою духу моему по вся дни, дондеже ты изучю всякаго блага, и всякое тцаніе показахъ, да вижду ты добродѣтельми украшену, аки прекрасную маргариту. Нынѣ же, яко зриши мя, уже отхожду сея жизни; ты же, по умертвіи моемъ, потщися вся глаголанная мною добрѣ исправити. Егда же справиши, тогда похвалена будеши, и вси возглаголютъ о тебѣ, яко благаго корене благая вѣтвь! А наипаче не удаляй отъ себе всецѣдную заступницу Богородицу, яже тебѣ великая мати бысть, и будетъ во всякихъ случаяхъ, сохраняя и спасая тя! поминай же и мене, мать свою по умертвіи моемъ, яко добрѣ трудившуюся о воспитаніи твоємъ и возвращеніи!» Призва же къ себѣ и мужа своего, царя Михаила, и начатъ ему глаголати болѣзненные глаголы добрая его жена сице: «преславный царю Михаиле! вѣси, яко во всякой честности дни наша препроводихомъ въ благоговѣйномъ христіанскомъ

должномъ супружествѣ, и никоего порока принесохомъ себѣ, молюже ты, послѣднее сіе прошеніе мое исполни». Сіе же царь слышавъ, со многими слезами рече ей: «рцы, возлюбленная моя, еже хочени глаголати?» Она же рече ему: «видиши ли, господине мой, уже мя отходящу отъ здѣшнія жизни; тебѣ же младу сущу и никоимъ образомъ нѣсть лѣтъ, да второму браку не обрищися. Егда же пріобщишия второму браку, и уже сей бѣдной сиротѣ дщери нашей будетъ вторая мать и не имать о ней уже никакова попеченія имѣти, но въ презрѣніи имѣти ю будетъ, ты же убо сущій отецъ ея, имѣи о ней всякое попеченіе и радѣніе, да бѣдная сія сирота не уничтожена бы была! Вѣси бо довольно, яко по вся дни тѣчаніе имѣхъ о ней всякое, да будетъ совершена!» Царевна же Персика, предъ ними стоя, горько плачуши. Тогда отецъ ея Михаилъ царь, видѣвъ ю горько плачущую, рече къ ней: «Всеблагій Богъ не имать тя оставить; такоже и азъ. Елико возлюбленная мати твоя и азъ имѣхомъ о воспитаніи твоємъ и наказаніи всякое тѣчаніе и радѣніе, такожде и по смерти матере твоея имамъ тя сохранить и во всякой чести соблюсти!» И сія изрекши словеса со многими слезами, отыде отъ царицы. Царица же, оставшия въ комарѣ своей со дщерию своею, лежа на смертномъ одрѣ, нача ко образу Владычицы нашея Богородицы со многими слезами болѣзненныя глаголы вѣщати: «о, Всеблагословенная Владычице моя, Пресвятая Богородице! Ты—Едина Мати осиротѣвшимъ и бѣднымъ Заступница! Призри и вынѣ на болѣзненныя слезы моя и моленіе, въ сей часъ приносимое; не забуди сію сироту, дщерь мою, яже, яко агница незлобивая, по смерти моей оставлена будетъ. Ты ей вмѣсто мене мати буди: не имамъ бо кому иному вручити ю по смерти моей, кромѣ Тебе, Заступнице моя, Пресвятая Владычице Богородице!» И тако изрекши умильная сія словеса, обращшия къ дщери своей, рече: «спасися, возлюбленная дщи моя, и мене поминай! матерь свою не забуди! Вѣмъ бо, яко уже ктому мя неимаша узрѣти; ни азъ тебе!» И давши ей образъ Пресвятыя Богородицы и рече ей: «сію имѣи непрестанно помощницу себѣ!» И тако умре премудрая царица Александра, остави неутѣшный плачь дщери своей Перикѣ, и царю Михаилу, и вѣмъ гражданоу.— Бѣже въ Пефлагонстей странѣ король славенъ, именовъ Киръ; имѣ пріязливую любовь отъ царя Михаила. У сего краля Кира бысть сынъ, именовъ Евгеній, отрокъ благоразуменъ. Отецъ же его, Киръ, посла его ради всякаго свободнаго ученія въ Римъ, да тамо

обучается всякихъ благоразумныхъ нравовъ. Отрокъ же, отъѣхавъ въ Римъ, пребысть тамо время довольно въ училищахъ и изучися зѣло высоко, яко всѣмъ сверстникомъ и учителемъ его удивлятися. Посемъ начаша учителя его писати листы ко отцу его королю Киру, объявляюще о сынѣ его, яко добрѣ изучися, всякихъ свободныхъ наукъ. Отецъ же его, краль Киръ, повелѣ вскорѣ прислати къ себѣ сына своего Евгенія; самъ же противу поиде неприятелей, ратующихъ тогда страны ихъ, по повелѣнію царя Михаила Болгарскаго. Королевичъ же Евгеній, по приказу отца своего краля Кира, векорѣ прииде въ кралевство Певлагонское. Людіе же, видѣвши его лицемъ прекрасна и ученіемъ, аки лучами украшена, зѣло удивилися и великій триумфъ сотвориша ему. Мати же его кралева Гликерія, узрѣвши его, великія радости исполнися, видящи сына своего благоразуміе и красотою обогащена. Въ то время, егда Певлагонскій королевичъ Евгеній въ римскихъ училищахъ упражняшеся, а царь Михаилъ Болгарскій вдовствоваше и въ печали величій пребываше о смерти царицы своея Александры—приступиша же къ нему министры, якоже и прежде глаголюще ему: «Высокодержавный царю Михаиле! Царство наше, аки кринъ процвѣташе тогда, егда премудрая царица жена твоя Александра здравствовала; нынѣ же воистину потемнѣ, едину ти сущу. И нынѣ возможно ти есть паки и второму браку приобщитися!» Онъ же, сія слышавъ, рече имъ: «не возможно ми есть забвеніемъ покрыти любезную мою жену-царицу Александру!» Они же рѣша ему: «аще и не возможно есть забвеніемъ покрыти, но токмо да царство наше славнѣйше будетъ!» Тогда отвѣщавъ имъ царь: «потщитесь изыскати въ красотѣ подобну бывшей царицѣ Александрѣ!» Тогда министры поидоша спѣшно повелѣннаго дѣла исполняти и проидоша многія страны своего царства. И не обрѣтоша. Таже поидоша и во иныя государства искати. И въ нѣкоемъ государствѣ отъ африкскихъ странъ обрѣтоша нѣкую великую княжню, зѣло прекрасну, именемъ Люцію. Посланныи же, видѣвши ю, зѣло удивилися, и вскорѣ персоню ея преписавше, и къ царю своему послаша. Царь же, узрѣ персоню и красоту ея, подивися и повелѣ въ царство свое привести ю съ честію. Посланныи же, поемше ю, съ великою честію ведоша въ болгарское царство къ царю своему ко браку. Приведеннѣй же ей бывши предъ царя Михаила,—царь же, видѣвъ ю, подивися красотѣ ея и повелѣ вскорѣ браку быти. Сотворяему же браку, и веселію велику,—

тогда на томъ брацѣ бѣ и царевна Персика. Егда же узрѣ ю мачеха ея Люція и абіе подивися красотѣ ея; и отъ того часа вложи въ ню діаволь ненависть на царевну Персику. По прешествіи же брака нача Люція завистію на царевну снѣдаться, аки ехидна, зрящи себе красотою хуждыши ея быти. И, яко змія, скриваше ядъ свой, аки бы любяше ю; внутрь же, аки копіемъ, завистію хотяше ю збости. Царевна же, аки незлобливая агница, по наученію возлюбленныя своея матери царицы Александры, яко матери, повиновашеся. А наипаче, яко присную мать свою, Пресвятую Богородицу непрестанно въ помощь свою призываше и къ ней, аки къ ту сущей, глаголаше: «Ты мя, не остави, мати Божія, Препоблагословенная Дѣво Маріе, Богородице!» Царь же Михаилъ паке отыде съ королемъ пѣфлагонскимъ Киромъ и съ прочими на брань противу ратующихъ ему; вручи же и дщерь свою Персику царицы своей Люціи, да всякое попеченіе имѣеть о ней, яко суцая мати. По отшествіи же царевѣ на брань, абіе бестудная та ехидна не сохраниши ложа мужа своего, но оскверни е: обрѣтши нѣкогого отъ рабѣ своихъ, нача съ нимъ блудно жити. На незлобивую же царевну Персику уже явно ядъ свой завистливый изливаше; нача бо къ царю Михаилу лжесоставныя грамоты писати на царевну, аки бы она ей ни въ чемъ не повинуется и яко бы въ дому блудническія ходитъ и тамо многія дни и нощи провождаетъ. Царь же, таковая писанія пріять и прочте, удивляшеся и помышляше въ себѣ: «како дщи моя, благоговѣйна суци, сицевая восхотѣ творити?» Обаче преклонися царскій разумъ женской лести, и ятъ вѣру блудницѣ той проклятѣй; писа къ ней, да обращаетъ ю отъ таковыхъ обычаевъ и да не попускаетъ тако творити. Проклятая же та Люція, пріимши писаніе отъ царя, паче надымашеся и разгарашеся на царевну Персику. И хотяше ю совершенно погубити, умысли сице: призвавши сквернаго своего любодѣя и повелѣ ему царевну Персику въ незнаемая мѣста отвѣсти и тамо руцѣ ея отсѣщи. Скверный же любодѣй ея обѣщася сотворити вся реченная отъ нея. Единою же приде Люція къ царевнѣ Персикѣ, скривши ядъ свой зміинъ и глаголя ей: «что здѣ, любезнѣйшая дщи моя, аки птица, въ заключеніи сидиши? и никамо отъ чертоговъ своихъ не исходниши? Изыди нынѣ со мною на мѣсто прекрасное и тамо едины прохладимся!» Царевна же рече ей: «любезная мати моя! николиже навыхохъ внѣ стѣнъ полатъ нашихъ исходити, — еще при матери моеѣ. Нынѣ же ни отцу

моему существу здѣ и како восхожду изыти? Отецъ бо мой, аще увѣсть мя исходящу, всячески гнѣвъ на мя воздвигнетъ!» Люція же рече къ ней: «не ужасайся, возлюбленная дщи моя; никако отецъ твой сего не увѣсть: едины бо токмо изыдемъ!» Повелѣніемъ бо моимъ придетъ единъ отъ слугъ съ коньми и тайно пойметъ тя; и прохладившия со мною, паки тайно возвратишия!» Незлобивая же царевна Персика ятъ вѣру потаенной зми и обѣщася съ нею изыти. Люція же, обрѣтши способное время, повелѣла наложнику своему тайно къ чертогамъ царевны съ коньми прийти; и восхитивши ю, вести въ далечайшая пустая мѣста, да тамо и рукъ лишити ю и оставитъ умерти. Наложникъ же ея по наученію приде къ чертогамъ царевны и даде ей вѣсть. Она же, тайно изнедши, сѣде въ корѣту, никому же вѣдащу. Наложникъ же царицынъ нача гнати зѣло быстро. Она же озрѣвшия, видитъ себе токмо едину, въ пустая мѣста везому, рече ему: «камо везеши мя?» Онъ же рече ей: «повелѣнное мнѣ отъ царицы творю?» Царевна же позна бѣдство свое, нача горько плакати и призывать Пресвятую Богородицу въ помощь себѣ, сице глаголя: «такое ли ввѣрена есмь Тебѣ, Пречистая Мати Божія, да безвременно погибну? Но заступи мя милостию Твоею!» И непрестанно со слезами глаголаше: «Богородице Дѣво, радуйся!» Наложникъ же царицынъ, привезши ю въ пустая мѣста, ко границамъ королевства пѣфлагонскаго и изведе изъ карѣты. И вземъ ножъ, отрѣза ей руцѣ по локти; и остави ю ту на земли, аки мертву. Самъ же, вземъ съ собою руцѣ ея, во увѣреніе царицы, и погна паки къ царицы. И егда достиже царьскаго града и приде къ царицѣ. Царица же вельми возрадовася. Царевна же по пріятіи великаго мученія бысть, аки изумлена: воста отъ земли, нача бѣгати по непроходимому лѣсу, и лице свое, красотою сіяющее, о дрѣвеса одравши. Таже весьма изнемогши, паде на землю, аки мертва; токмо устнама движа, призываше на помощь Преблагословенную Дѣву Марію. Мачеха же ея писа ко отцу ея, яко «дщи твоя безъ вѣсти, незнаемо, гдѣ подѣся!» Царь же, сія увидавъ, рече: «якоже восхотѣ, тако и сотвори!»—Въ тоже время вышереченный кралевичъ Евгеній рече матери своей кралевѣ Гликеріи: «Возлюбленная мати моя! Доселѣ быхъ въ римскихъ училищахъ, аки птица, заключенъ. Нынѣ же, Богу изволившу, здѣ на свободѣ уже есмь. Повели ми на ловъ изыти со слугами нашими!» Она же рече ему: «якоже хочещи, чадо, тако и твори; иди невозбранно!» Кралевичъ же, поемъ слугъ и псовъ, якоже

обычай, и изыде въ лѣсы. Смотрѣніемъ же Божіимъ отлучися нѣкакo кралевичь отъ слугъ своихъ со единымъ дворецкимъ и со псы; и блудиша по пустыни три дни. Въ четвертый же день улучиша пси на лежащую уже близъ смерти царевну Персику; въ той бо день привезена бысть на мѣсто то и отъятіе рукъ пострада. И начаша лаяти прилежно, аки на нѣкій ловъ. Рече же кралевичь дворецкому: «иди и виждь, что тамо есть? Аще ли звѣрь, то убіемъ и насытимся!» Дворецкій же, вскорѣ шедъ, узрѣ дѣвицу, лежащую, аки мертву, токмо уста движущу и кровію обagrившуся, ужасеся. И пришедъ ко кралевичу, рече: «чудо нѣкое обрѣтохомъ, господине!» Кралевичь же рече: «что есть?» Онъ же рече: «дѣвица нѣкая, прекрасна зѣло, лежитъ безъ рукъ и уже близъ смерти есть!» Тогда кралевичь самъ поиде на мѣсто оно. И узрѣвъ ю, прекрасну сущу, и въ златомъ одѣяніи; аще бо и кровію истоцися, обаче красота ея не увяде. И рече кралевичь: «чудо нѣкое есть,—ибо не отъ простыхъ, мню, сію дѣвицу быти и не оставлю сію тако быти!» Слуги же, оставшіися, пришедше во градъ и спросиша: «пришелъ ли кралевичь во градъ?» Граждане же рѣша, яко не пришелъ. Слуги же повѣда кралеви, яко «сынъ твой кралевичь заблудился въ пустыни со дворецкимъ!» Кралева же, сія слышавши, нача рыдати о немъ неутѣшно. Кралевичь же со дворецкимъ сотвориша сице: два коня совокупивше и одежды съ себе снемше, на коней положиша; и на ня возложиша царевну и поидоша. И шедше мало, обрѣтоша вскорѣ путь. И рече дворецкой: «сей путь ведетъ во градъ нашъ!» Рече же ему кралевичь: «возми коня и бѣжи скоро во градъ и возвѣсти вся, яке о насъ!» И снемше царевну, положиша на земли. Обрѣтъ же чистую воду и прохладивъ ю. Оной же легче бысть; и абіе въ себе пришедши и возведѣ очи свои на него. Егда же кралевичь узрѣ ю, воззрѣвшую на него, паче уязвися сердечною любовію къ ней и часто взирая на красоту лица ея, удивляшеся и размышляше въ себѣ: «како приде сія въ таковое мѣсто?» Дворецкой же, вскорѣ пріѣхавъ во градъ и возвѣсти кралеви, яко кралевичь обрѣтеся и обрѣте нѣкую пречудную дѣвицу безъ рукъ. Кралева же, сія слышавши, великія радости исполнися и вскорѣ повелѣ послати драгоцѣнныя корѣты и постели, и рабы многи. Дворецкой же, поятъ всѣхъ сихъ, вскорѣ пріѣхавъ ко кралевичу. Кралевичь же, самъ подъемъ царевну, положи на драгоцѣнный одръ, въ корѣту, на то уготованную. И язвы на рукахъ ея чистыми платы обяза и сѣде при ней; и поидоша ко

граду. Егда же придоша во градъ, бысть радость велія во градѣ о пришествіи его. Кралева же Гликерія велимъ веселіемъ объята бысть, егда узрѣ единочадаго сына своего здрава. Посемъ же, егда узрѣ Персику, позна ю быти не отъ простыхъ, но отъ великихъ родителей. Нача вопрошати сына своего королевича, како и гдѣ обрѣте ю. Онъ же вся подробну о ней возвѣсти. Таже призвани быша искусніи врачи и вскорѣ уврачеваша ю. Она же бысть здрава и весела, аки никоеяже болѣзни пострада. И по исцѣленіи ея начаша ю кралева и королевичъ вопрошати: «кого рода еси? и како приде на мѣсто то? и како руцѣ ея отъяты суть?» Она же рече имъ: «лютыя мя болѣзни постигоша; и отступи отъ мене память моя, и не вѣмъ, кого рода и како сія пострадахъ!» Имя же себѣ повѣда: Елисаветъ. И нача любити ю кралева, аки истую свою дщерь ради предивныя красоты ея. Воистину бо прекрасна бысть зѣло! Королевичъ же зѣло любляше ю и желаше имѣти ю себѣ супружницею. И бѣ она первая во всемъ дворѣ королевскомъ. Егда же начинаше королевичъ, что отъ ученія своего, иже въ Римѣ изучился, глаголати съ нею—она же вся реченная отъ него яснѣе разумѣваше и предлагаше ему. Королевичъ же, сія видѣ, паче любляше ю и почиташе премудрости ея ради. Возвратися же король Киръ отъ брани и приде во свое королевство. Тогда изыде внѣ града сынъ его королевичъ Евгеній. И узрѣ отецъ его, король Киръ, и великія радости исполнися. Королевичъ же сѣде со отцемъ своимъ во едину корѣту и нача ему повѣдати, како въ Римѣ учился и како приде въ Пфлагонію. Таже повѣда ему, како «въ пустыни заблудивши, обрѣтохомъ дѣвицу прекрасную въ драгомъ одѣяніи; рукамъ же ея отсѣченымъ. И нынѣ въ нашихъ полатахъ есть; и полна всякія премудрости!»—Егда же король приде въ домъ свой, тогда отъ всѣхъ стрѣтенъ бысть честно. Потомъ же Евгеній изведе Персику предъ отца своего. Она же, пришедши предъ короля, нача его премудрыми словесы поздравляти. Король же, слушая такихъ словесъ премудрыхъ и, зря на красоту ея, зѣло удивляшеся, и возлюбилъ ю, яко истую дщерь свою. Таже и сей вопроси,—како руцѣ ея отъяты суть. Она же и тому такоже отвѣща, якоже и прежде. И бысть любима ради премудрости своея. И всякія великія дѣла король Киръ безъ ея совѣту не творяше; и всѣми любима и почитаема бѣ. Король же Киръ и кралева Гликерія, зрящи сына своего Евгенія, зѣло радовахуся о красотѣ и премудрости его.

Евгеній же многое желаніе имѣвъ (въ) сердца своемъ, ежебы пояти себѣ въ жену прекрасную Персику, но не можаше о томъ возвѣстити отцу своему и матери: стыдяшебося премудростию обложенъ. Отець же его и мати начаша ему глаголати, да пойметъ себѣ жену, яковаго любо князя дщерь. Онъ же всѣхъ презирая, глаголаше: «аще бы и кесареву дщерь обѣщали дати мнѣ въ жену, — никакоже изволю!» Посемъ же Евгеній впаде въ скорбь велику зѣло. И того ради посла отецъ его и мати искусныхъ врачей, да исцѣлятъ его. Врачеве же, пришедше, осызаша жилы его по обычаю своего и никоея въ немъ болѣзни не обрѣтоша тѣлесныя. И рекоша отцу его и матери, яко нѣсть въ немъ никакія болѣзни; но только есть нѣкая печаль сердечная. И тако отыдоша. Мати же его приде къ нему и рече ему: «рцы, любезнѣйшій сыне мой, кая ти болѣзнь сердечная снѣдаетъ сердце твое?» Онъ же рече: «прелюбезнѣйшая мати моя! Аще хотите видѣти мя здрава, то извольте мнѣ обручити въ жену прекрасную дѣвицу Елисаветъ. Аще же ни, то вскорѣ узрите мя мертва!» Мати же его, сія слышавши, поиде ко кралою Киру и повѣда ему все. Отець его приде къ нему и рече: «возлюбленный сыне мой Евгеніе! Со всякимъ бы тщаніемъ сотворили сіе. И люблю ю зѣло, аки свою истую дщерь, якоже и тебе. Но се едино токмо: еже безъ рукъ. Аще сіе державный царь увѣсть, всячески обезчеститъ насъ!» Евгеній же рече: «аще не тако, отче мой драгій, будетъ, то вскорѣ узриши мя мертва!» Отець же его отыде и нача съ кралевою совѣтовати, глаголя, яко «невозможно намѣренія его премѣнити; но сотворимъ волю его!» Таже приде ко Евгенію мати его и рече: «буди готовъ къ браку съ прекрасною Елисаветію, чадо мое!» Онъ же вскорѣ отъ одра воставъ, аки бы никоея болѣзни имѣлъ. И не по мнозѣхъ днехъ сотвориша бракъ свѣтелъ Евгенію. Граждане же вси возрадовашася о томъ, яко таковая прекрасная верста совокупися. И начаша зѣло любезно жити. Не по мнозѣхъ же днехъ зачатъ царевна во чревѣ. И егда приходяше время родити ей, тогда приде повелѣніе отъ царя Михаила Болгарскаго, да вси короліи приведуть сыновъ своихъ. Приде же то повелѣніе и къ пфлагонскому королю, да приведетъ сына своего Евгенія ради испытанія ученія, егоже въ Римѣ изучилъ. И прочихъ всѣхъ призва того ради дѣла. Егда же краль Киръ приде съ сыномъ своимъ Евгеніемъ къ царю Михаилу, — егоже егда узрѣ царь Михаилъ толь прекрасна суца, — зѣло удивися. Потомъ нача быти

проба о ученіи коемуждо ихъ. Въ той пробѣ показа себе Евгеній зѣло искусна и всѣхъ превзыде во ученіи. Тогда царь Михаилъ паче его возлюбилъ. И пришедъ въ полату свою, нача обѣдати. Тогда краль посади Евгенія выше себе. Царь же рече: «аще бы имѣлъ азъ дщерь, то бы далъ ему въ жену; и царствовалъ бы со мною!» Тогда отецъ его краль Киръ рече ему: «имать уже жену, державный царю!» Тогда царь рече ему: «уже не нарицай его себѣ сыномъ, но мнѣ да будетъ сынъ!» И повелѣ публично всѣмъ возвѣстити въ царствіи своемъ, яко Евгеній уже нѣсть королевичъ пефлагонскій, но царевичъ болгарскій. И начаша ему многими лѣты поздравляти. Веселію же тому не ускончавшуся, прииде вѣстникъ ко Евгенію, яко жена его два сына роди. Возвѣсти таже о семъ царю Михаилу; царь же наипаче радостенъ бысть. Царица же Люція, видѣвши Евгенія, зѣло распалися похотію плотскою на него. Евгеній же писа къ матери своей, да со всякимъ опаснымъ храненіемъ бережетъ жену его и чада. И краль Киръ восписа къ ней, якоже и сынъ его. Евгеній же, запечатлѣвъ оба письма перстнемъ своимъ и вдаде вѣстнику своему, да несетъ въ Пефлагонію. Царица же, призвавши Евгенія къ себѣ, наединѣ нача льстити его, яко да сотворитъ съ нею блудъ. Онъ же рече: «не подобаетъ ми тако творити,—первое сего ради, яко мати ми нынѣ наречеся;—второе, яко прелюбодѣйство—грѣхъ великъ есть и не хочу скверните ложе жены моея—третіе, яко свою жену прекраснѣйшую тебе имамъ!» Люція же, сія слышавши, позна быти Персику, патчерицу свою. И упоивши его зѣльно піяна. И егда усну Евгеній, Люція же, снявши перстень съ руки его и призвавши вѣстника Евгеніева съ письмами—и такожде упоивши его піяна и взя у него письма и изодра. А въ тѣхъ мѣсто другія написа сице: «Отъ краля Кира королевѣ. Аще пришедъ обрящу живу невѣстку свою съ чады ея, абіе тебе и съ нею смерти предамъ!» Такожде и отъ Евгенія восписа: «любезная мати моя! аще, пріѣхавъ, обрящу жену мою живу—то абіе узриши мя мертва предъ очима твоима. Но молю тя, да вскорѣ ю злѣй смерти предай!» И яко лукавая та змія, запечатавши тѣ письма, вложи піяному вѣстнику, отнюдуже взя. Вѣстникъ же, егда проснулся, не разумѣ бывшаго—скоро поиде въ Пефлагонію. Такожде и перстень возложи Люція на руку Евгеніеву, снящу ему и не вѣдущу ничтоже. И отъиде, не улучивши блуднаго своего намѣренія, еже хотяше со Евгеніемъ сотворити. Вѣстникъ же Евгеніевъ, аки съ правыми письмами,

посланъ отъ Евгенія, не вѣдый потаенныя хитрости, лукавыя зми Люціи. Вскорѣ приде въ Пѣфлагонію; и вшедъ въ домъ королевскій. И первое поздравивъ кралеву и Персику съ чады ея, — потомъ же вда имъ письма, присланныя отъ Кира и Евгенія. Кралева же, приимши письма, и прочте. И мя, яко вправду написаны суть отъ Кира и Евгенія, и виѣ бысть ума. И нача горько и болѣзненно рыдати и власы главы своея терзати. Тогда, забывши и чинъ крадевскій и конечно бы въ той часъ сама себѣ смерти предала, аще бы отъ рабынь и предстоящихъ своихъ не была сохранена. Персика же, слышавши сицевыя болѣзненныя плачи—аще и еже въ скорби сущи отъ рожденія чадъ, но нача вопрошати, что тако болѣзненно рыдаетъ. Кралева же рече ей: «о, возлюбленная дщи моя! Уне бы намъ было, дабы не познали тя! яко тако нынѣ злую вѣсть получили о тебѣ!» Персика же, устрашившия, рече: «что тако, возлюбленная мати моя?» Она же показа ей присланныя грамоты отъ краля и Евгенія. Персика же, видѣвши ихъ, восплакася горько и рече: «воля Божія да будетъ! Твори вскорѣ, еже ти повелѣнно есть. Аще бы азъ была праведна предъ Богомъ, не бы тако изволилося владыкамъ моимъ о мнѣ помыслити. Твори вскорѣ!» Кралева же паче себе хотяше смерти предати, нежели неповинной Персикѣ, что зло сотворити. Но та належаше, да сотворитъ повелѣнное. Услышано же бысть сицевое дѣло во всемъ градѣ томъ, яко Евгеніева жена королевичева имать смерти предатися и съ чады ея безвинно. И начаша граждане вельми плакати, краля и Евгенія не милосердыхъ нарицающе. Дворецкой же, обрѣтый ю прежде съ королевичемъ въ пустыни заблудившия, приступи ко кралевѣ и рече ей: «всемиловитая госпоже! Не возложи рукъ на неповинную сію агницу, съ незлобивыми птенцы—чады ея, еже бы умертвити ю! Но азъ, поемши ю съ чады ея, везу тамо, отюду же пояхомъ ю!» Кралева же рече ему зъ болѣзнію: «вези ю, аможе хочещи!» Онъ же, поемши Персику, всади въ нѣкую худую корѣту, повезе ю съ чады своими тамо, отнюдуже пояша ю, которымъ отхожденіемъ веліи плачь оставивши при королѣ живущимъ и всѣмъ гражданамъ. Дворецкой же, привезши Персику, и посади ю на томъ же мѣстѣ, откуда поята бысть. И остави при ней хлѣба и воды мало. Самъ же со многимъ плачемъ возвратися. Она же, сѣдючи и горько плачуци, нача призывати въ помощь Пречистую Богородицу, сице глаголя: «Таколи ввѣрена Тебѣ есмь, Пресвя-

тая Владычице Богородице? яко оставила мя еси, бѣдную! Се убо нынѣ время помощи Твоея! Прииди и помози убо мнѣ, бѣдницѣ вскорѣ и помилуй мя! Не даждь погибнути ми напрасно, аще не мене ради, то ради сихъ незлобивыхъ младенцевъ, чадъ моихъ!» Сицевая словеса и множае сихъ изрекши въ болѣзни своей сердечной и зѣльной печали, и тако плачущи на земли и усну. Скорая же въ заступленіихъ Пречистая Богородица абіе предста ей лицемъ свѣтлымъ, держаше отсѣченніи руцѣ ея въ рукахъ своихъ. И рече къ ней: «дщи моя возлюбленная! Что тако скорбно стужаеши Ми? Или уже мниши, яко Тя оставихъ? Поистиннѣ убо непрестанно съ тобою пребывахъ. Не скорби убо! Се имаше руцѣ!» И приложи принесенныя съ собою руки къ рукамъ ея отсѣченнымъ; и абіе сотвори ю, якобы никогда руцѣ ея отсѣчены были. Токмо малу слѣду осталось увѣренія ради. Сама же невидима бысть. Персика же, возбнувши отъ сна, зреть себе имущу руцѣ; и акибы никогда ей безъ рукъ быти. Нача удивлятися, мня мечтаніе нѣкое быти; и нача новодарованными руками прекрещати лице свое и узрѣ, яко весьма здоровы вельми. И отъ всего сердца своего со слезами много благодаривши Пречистую Богородицу Марію и воставши, нача по лѣсу прохаждати. И собираще зеліе пустынное и тѣмъ питаешся.

Царь же Михаилъ, по многомъ веселіи отпусти краля Кира и Евгенія въ Пфлагонію, повелѣвая, да [вскорѣ возвратится къ нему съ женою своею и съ чады. Краль же съ Евгениемъ, пріѣхавши въ королевство свое и внидоша во градъ. И узрѣша всѣхъ людей сѣтованнымъ лицемъ ходящихъ и черная носящихъ и никоей чести входу ихъ дающихъ, почюдишася вельми и глаголюще: «что сіе есть?» Таже внидоша во дворъ свой и узрѣша всѣхъ плачущихъ, паче почюдишася. Вшедше же въ полаты и узрѣша кралеву, яко близъ смерти отъ печали лежитъ, вопросиша: «что сіе есть?» Тогда показаша листы, писанныя отъ нихъ. Они же, пріемше, прочтоша и абіе быша, яко изумлени. И кійждо, вземъ мечъ свой, хотяше себе пробости. И конечно бы сами отъ себе прободены были, аще бы отъ предстоящихъ не бы удержани были. Тогда дворецкой пристуши ко Евгению и рече: «Всемиловѣйшій владыко! По полученіи письма вашего, въ коемъ повелѣно отъ васъ матери вашей, а нашей государыни, жену вашу, а нашу госпожу смерти предати и съ новорожденными младенцы, — мы оную

смерти не предахомъ. Но азъ, поемши ю, отведохъ и съ чады ея, на оное мѣсто въ пустыню, отнюдуже пояхомъ ю!» Евгеній же, слышавъ сія, ни мало не помедли; повелѣ вскорѣ коней готовити и самъ потече въ пустыню, сице глагола: «аще и мертву обрящу ю, тамо и азъ умру!» Бѣжавшимъ же имъ по пустыни абіе смотрѣніемъ Божіимъ уллучиша пси на Персику и начаша лаяти зѣло. Тогда Евгеній рече дворецкому: «иди и виждь, аще пси уже уллучиша на мертвую возлюбленную мою?» Дворецкой же со всякою скоростію побѣже на мѣсто, идѣже пси притужаютъ. И пріѣхавъ, абіе узрѣ Персику руцѣ имущу и весьма здраву и почюдися. И поздрави ю и побѣже къ Евгенію и рече: «всемилоствѣйшій владыко! Поистинѣ днесъ чудо паче перваго, яко обрѣтохомъ возлюбленную жену вашу и съ чады совершенно здраву. Паче же чудеснѣе, яко и руцѣ имать!» Евгеній же вскорѣ побѣже и, егда прибѣгни, скочи съ коня. Видѣ ю здраву и руцѣ имущу и красотою лица, яко солнце, сіяюще, бысть аки изумленъ отъ радости и припадши къ ногамъ ея. Она же, подъемши рукама своима, рече: «вѣмъ, яко не ты сіе сотворилъ еси, возлюбленный мой господине! но ибѣци завистливие,—тѣи хотяще мя погубити. Но азъ паче прославихся; тѣи же вскорѣ погибнуть! Се бо зриши мя руцѣ имущу, еже ми дарова Заступница моя Богородица; се убо вѣждь мя, кто есмь азъ? Нынѣ повѣмъ ти вся, яже о мнѣ. Азъ есмь Персика, дщи царя Михаила Болгарскаго. Завистію же мачехи моея Люци сицевая злая пострадахъ. Тая бо уязвившися красотою моею, повелѣ мя въ сіе мѣсто отвезти единому отъ рабъ своихъ, и здѣ рукъ лишити. Сія же руцѣ дарова нынѣ мнѣ Владычица моя Богородица, къ нейже непрестанно прибѣгахъ. Грядемъ убо, возлюбленный мой господине, во градъ!» Изшедшимъ же имъ изъ лѣса, придоша къ преже обрѣтенному при пути мѣсту. И посла дворецкаго своего во градъ, да приведетъ драгоцѣнныя кони и корѣты и да повѣдаетъ о обрѣтеніи и о чудесномъ здравіи Персики и съ чады ея. Дворецкой же, пришедъ во градъ, возвѣсти вся подробну; и вси на дворѣ кралевскомъ радости исполнишася. И поемши кони и корѣты, вскорѣ придоша въ лѣсы ко Евгенію со многими слугами. Евгеній же, поемъ Персику и съ чады ея, поидоша ко граду въ радости велицей. Егдаже быша близъ града, и увѣдаша вси граждане, яко Персика возвращается во градъ и съ чады,—и вскорѣ изыдоша въ срѣтеніе имъ. И бысть радость велія во гражданѣхъ о пришествіи ея.

По малѣхъ же днехъ начаша исполняти повелѣніе царя Михаила, дабы къ нему итти. И собрашася, поидоша честно, во множествѣ урядженіи коней. Егда же придоша въ болгарское царство, тогда царь Михаилъ повелѣ сотворити триумфальный входъ нареченному сыну своему Евгенію и женѣ его. Егда же быша въ полатахъ царскихъ, царь Михаилъ уже старъ бѣ. И егда узрѣ Персику, зѣло почудися красотѣ ея и рече: «воистинну никогда такового благообразіе видѣхъ!» Персика же нача своего отца поздравляти всякими премудрыми витійскими украшенными словесы. Поздравивши же, рече: «знаеши ли мя, царю, кто есмь азъ? И какова рода?» Царь же рече ей: «никако вѣмъ!» Она же рече: «азъ есмь едиnorodная дщи твоя Персика. Завистію же мачехи моея Люціи изгнана и къ тебѣ лжею оклеветана, аки бы мнѣ, яко блудницѣ безъ вѣсти погибшей. Она бо отъ зависти своея повелѣ мя слугѣ своему завести въ незнаемыя мѣста и рукъ лишити. Слуга же и сотвори тако. А сія руки, ихъ же видиши, дарова мнѣ Владычица моя Богородица!» И показа ему знаки оставленныя. Ты же, царю, повели слугѣ тому, иже мя рукъ лиши—имя ему рекши, да принесетъ тыя мои руцѣ, ихъже мнѣ отрѣза!» Призванъ же бывъ слуга, нача отрицатися таковаго дѣла. Потомъже царскимъ страхомъ и муками принужденъ, абіе изрече всю истину и принесе руки ея, ихъже въ лѣсу отрѣза, уже изсохшія. И вси почудишася такому дивному чудеси. Потомъже призвана бысть и скверная та царица Люція. И пришедши, аки бы не позна Персики. Персика же рече ей: «возлюбленная мати моя! знаешили, кто есмь азъ?» Она же рече: «никако не знаю; но токмо вѣмъ, яко дщи моя по Евгенію сотворилася еси!» Персика же рече ей: «поистинѣ дщи твоя есмь, Персика, юже ты завистію змінною поощряема, повелѣла еси слугѣ твоему рукъ лишити. Но Богъ милостію своею спасе мя!» Люція же, сія слышавши, бысть, аки мертва. Тогда царь Михаилъ вскорѣ повелѣ ю и со слугою ея привязати ко ошибу конскому и по стогнамъ града влачити ихъ. И тако Люція смертію безобразною погибѣ, еюже хотѣ и иныхъ погубити. Евгенія же, утвердивъ на царствѣ болгарскомъ пребывати и съ Персикою, дщерію своею во вся дни живота своего о Христѣ Исусѣ, Господѣ нашемъ, Емуже слава нынѣ и присно и во вѣки вѣкомъ. Аминь!